

Православный ВЕСТНИК

МАРТ 2022

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

- 3** Торжество Православия
- 5** Слово пастыря в праздник Торжества Православия
- 7** Торжество православия – это не торжество над инославными
- 9** Три истории преподобного Паисия Святогорца
- 10** Наказывает ли Бог за свободу?
- 14** Неистребимость истины
- 16** «Абьюз» русского языка
- 18** Три истории об исповедании веры

- 20** Пельмени
- 22** Самый главный, самый первый и самый последний вопрос
- 24** Отданное возвратится
- 25** Архиастырское послание клиру и пастве Восточно-Американской и Австралийско-Новозеландской епархий
- 26** Стояние 12-ти Евангелий. По местам страданий Господа
- 30** Увидеть Христа в том, на кого и смотреть не хочешь

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Торжество Православия

13 марта 2022 года

Богословское содержание

Праздник установлен Церковью по случаю восстановления практики почитания святых и честных икон в 842 году после длительного периода иконоборчества (VIII – IX вв.).

«В сей день, в первую Неделю святого поста, – сообщает «Синаксарь», – Церковью принято праздновать восстановление почитания святых и честных икон, совершенное царём Михаилом и его матерью, блаженной царицей Феодорой, а также святым патриархом Константинопольским Мефодием»

Традиция создания христианских священных изображений восходит к первым временам существования Церкви. Создавая священные изображения, Церковь чтила Бога, Его святых, важнейшие события её истории. Между тем, во времена императора Льва Исаура и при его активном участии, развернулась масштабная борьба против святых икон. Иконы подвергались уничтожению, а их защитники – иконопочитатели – притеснениям и гонениям. Движение против почитания святых икон продолжалось довольно долго, пока, наконец, стараниями императрицы Ирины и Патриарха Тарасия, в 787 г., не был созван VII Вселенский Собор, утвердивший догмат об иконопочитании. Он состоялся в Никее.

После Собора движение против почитания икон было угашено, однако не прекращено и всё ещё оставалось в силе. Иконоборцы продолжали нарушать внутрицерковный мир. В 842 году, после смерти императора Феофила (бывшего гонителя святых икон), при его трехлетнем сыне, Михаиле III, пребывавшем под опекой его матери, Феодоры, в Константинополе состоялся Поместный Собор, где второй Никейский Собор (787 года) был признан Вселенским.

По просьбе царицы Патриарх Мефодий и иные пастыри Церкви, а также сама царица совершили в первую седмицу поста молебны

о её почившем муже, Феофиле. После усердных молитв Богу о восстановлении иконопочитания и поминальных о Феофиле отцы Церкви, в воскресный день этой седмицы, совершили крестный ход. Крестный ход был торжественным, осуществлялся в присутствии царицы, её сына, множества народа. В это день, 11 марта в 843 г. (по другим данным: 19 февраля), опять же торжественно, были произнесены слова благословения в адрес поборников и почитателей икон; в адрес же врагов была произнесена анафема.

Стоит заметить, что чинопоследование этого богослужения со временем менялось, дополнялось новыми текстуальными вставками.

Иконография праздника

Одна из наиболее ранних, дошедших до нас икон Торжества Православия, датируется XIV веком. Она хранится в Британском музее.

Икона «Торжество Православия» разделена на два регистра. В верхнем регистре изображена Лития*, которую отслужили Патриарх Мефодий с императрицей Феодорой и всем православным народом 11 марта 843 года. Богослужение было посвящено восстановлению иконопочитания и прощению императора Феофила. Здесь изображены официальные лица описанных

событий – императрица Феодора с малолетним императором Михаилом II, патриарх Мефодий, иеромонах и два монаха. Возможно, среди них иконописец мог изобразить св. Иоанникуя Великого и преп. Михаила.

Литургический аспект подчёркивает икона Одигитрии в верхнем регистре. Иконографический тип процессии восходит к изображению торжественных шествий с иконами. Подобный сюжет мы можем увидеть на шитье из Московского Исторического музея (1498 г.). Вклад великой княгини Елены Волошанки изображает процессию с иконой Одигитрии. В иллюстрации Акафиста «Поклонение иконе Богоматери» 14 века из Румынии изображён подобный сюжет литии, где справа от Одигитрии стоят представители светской власти, а слева монахи и священнослужители.

Икону Одигитрии поддерживают Ангелы, риза опущена. Такие ткани, называемые покровы, убрусы и пелены, служили для защиты и украшения иконы. Подобно плащанице Христа, святыни укутывались и подобно убрису на них вышивались подобия этих икон. Фигуры ангелов, прислуживающих иконе, не только олицетворяют присутствие небесных сил на богослужении, но и также напоминают о сне Феодоры, в котором она видела «пресвятую Богородицу, держащую на руках крестоносного Младенца, и устрашающий круг ангелов прекрасного облика». Общая композиция напоминает триумфальный вход в Константинополь императоров-победителей, ехавших позади Святыни, по мнению византийцев, истинной победительницы сражения. Икона Богоматери тут выступает одновременно и как победительница над ересью, и как символ Боговоплощения, благодаря которому стало возможно изображать Христа в церковном искусстве. Подобно двухсторонним иконам, где образ Богоматери изображался на одной стороне, а Христос на другой, осуществлена перекличка образов с помощью иконы Вседержителя, которую держат в нижнем регистре в руках св. Федор Студит и Феофан исповедник. В литии в день основания Константинополя эта перекличка звучит в песнопениях: «Город Богородицы благочестиво вверяет Богородице свой покой»

Икона «Торжество Православия» XIV век,
Британский музей

«Город Твой, Господи, яко око вселенной от всякого праведного Твоего прещения свободи и украси его всячески скипетрами царства, подая ему Богородицею варваров низложение и бед отгнание». Знаменательно, что именно в 843 г. была снята пелена с иконы Христа на дворцовых воротах и возможно, реплику этой святыни монахи держат, как символ мученичества и исповедничества.

В нижней части иконы изображены мученики и исповедники, которые пострадали за чистоту веры и подготовили своей мученической или исповеднической судьбой Триумф Православия, но не дожили до возрاثения икон в храмы. Соединения «неба» и «земли», живых и умерших праведников в одной молитве подчёркивает то место из «Повести о Прощении императора Феофила», где описывается, как в Великой Софии стоят на общей молитве вместе с живыми свидетелями событий святые подвижники, умершие задолго до восстановления иконопочитания, такие как св. Арсакий, св. Феодор Студит, св. Феофан Исповедник, и др.

В центре изображены святые Феофан Исповедник и Феодор Студит, держащие икону

Христа, справа от них Феофилакт исповедник, два брата Феодор и Феофан Начертанные и в конце св. Арсакий. С левой стороны изображена мученица Феодосия, она держит икону Христа, которую не дала сбросить с Дворцовых ворот Халки солдату Льва V и была убита за это (ум. 814 г.). Интересно, что эта икона Христа является фрагментом, репликой из иконы Одигитрии, находящейся в смысловом центре иконы «Торжество Православия». Фигуры монахов между Феодосией и Феофаном идентифицировать исследователям не удалось ввиду сильно повреждённых надписей.

Фридрих Герке назвал в своё время такую многоуровневость в композициях икон - die grossen Gedankenbilder, а А.Н. Грабар более точно определил как «представление догматов или событий посредством многорегистровых изображений». Приём состоит в том, что та или другая истина христианской веры изображается не посредством исторической сцены, «но при помощи двух или нескольких изображений, которые сопоставлены или сгруппированы

особенным образом и должны осмысляться в зависимости от этого соотношения». Иконография достигает здесь уровня богословского комментария. Для этой цели привлекаются новые материальные приёмы: физическое сопоставление изображений, которые должны сравниваться, повторение тех же размеров, пропорций и расположения в этих сопоставленных изображениях, и использование значимых деталей для увеличения сходства.

**Лития – это благочестивый обычай совершения богослужения вне храма, введённый Иоанном Златоустом во время распространения арианства. Обычно уличные шествия с крестом и святынями начинались в Святой Софии и имели несколько остановок в разных храмах города, а заканчивались или опять в Великой церкви или в каком-нибудь храме, связанном с данным церковным событием*

azbyka.ru

Слово пастыря в праздник Торжества Православия

Протоиерей Андрей Ткачёв

Имя первого Воскресенья Великого поста так красиво звучит, что и не сведущий в истории праздника человек ощущает прикосновение к великому смыслу. Воту Платоновав «Чевенгуре» два чудака ищут самую настоящую партию, чтобы туда записаться и быть полезными для истории и приближения земного блаженства.

«Нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит земное блаженство. Одни отвечали, что счастье – это сложное изделие, и не в нём цель человека, а в исполнении исторических законов. А другие говорили, что счастье состоит в сплошной борьбе, которая будет длиться вечно.

– Вот это так! – резонно удивился Захар Павлович. – Значит, работай без жалованья. Тогда это не партия, а эксплуатация. Идём, Саш,

с этого места. У религии и то было торжество православия».

«Торжество православия», которое «было у религии» ощущимое даже для самых простых душ различие между принятием мира Божьего, предложенным религией, и коренным переустройством мира, предложенным новым мировоззрением. Новое мировоззрение тогда предлагало борьбу, такую же «сплошную» и бесконечную, как ньютоновское пространство. Нынешнее новое мировоззрение предлагает накопительство товаров, услуг и впечатлений, столь же бесмысленное и бесконечное, как и классовая «сплошная борьба». А религия предлагает для созерцания уже покорённые сияющие вершины. У веры есть достигнутые цели, есть одержанные победы, которыми

могут наслаждаться все, живущие одной верой.

Внутри понятия «Торжество Православия» существует множество понятий, необходимых для уяснения. Бегло пройдём по ним или просто их поименуем.

Бог стал человеком, Невидимый изобразился. Потерял смысл ветхозаветный запрет на священные изображения. Раз Слово стало Плотью, а Плоть видима, то возможна икона, как выражение веры в Воплощение.

Внутренний благодатный опыт есть не у всех. «Не во всех вера». Для ума, озарённого частично, возникает соблазн: «Не идол ли икона?» Соблазн перерастает в полемику, полемика – в войну.

Иконоборцы и православные собирают свои Соборы, взаимно друг друга анафематствуя, богословски обосновывают своё отношение к писанному образу. Часто льётся кровь, тюрьмы полны исповедников.

Богословие иконоборцев еретично, оно не от Духа, но от плохо понятой буквы Ветхих Писаний.

Идут десятилетия, скапливаясь в столетия, а война не утихает. Наконец созывается Седьмой Вселенский, на котором иконопочитание торжествует. Вместе с иконой торжествует Церковь во всеоружии истины. Праздник становится символом и занимает своё место в иерархии непогрешительных смыслов.

Всё это нужно знать. Но даже если этого не знать, или сделать вид, что не знаешь, у выражения «Торжество Православия» достаточно внутренней красоты, чтобы ею наслаждались и простецы, и книжники.

С точки зрения количественной Православие в мире не торжествует. Оно не самое многочисленное исповедание в христианском мире. Значит не в количестве торжество. И грехов с ошибками у нас хватает. Значит не в нашей личной святости торжество. Многое не сделано, многое не понято, кое-где ещё конь не валялся. При желании можно и похвалиться, но лучше сдержаться. Человеческая похвала лукава и сиюминутна, самохвальство вовсе порочно. Нужно сначала заслужить, а потом дождаться настоящей, от Бога, то есть, похвалы. Но Торжество-то празднуется сейчас, прежде окончательной награды! Почему?

Оно празднуется потому, что в нём не только

триумф правды над ложью, но и ободрение всем исповедующим православную веру. В этом празднике – трезвая оценка тяжёлого исторического пути Церкви. Церкви всегда было тяжело, но Церковь жива! Зная, что она вытерпела, слова о том, что она жива, есть доказательство того, что она непобедима! Церковь неуничтожима ради Истины, исповедуемой Церковью, ради Христа, создавшего и возглавившего Её. Если к Церкви подмешивается ложь, и золото учение смешивается с соломой человеческих добавок, то Бог проводит Церковь через огонь. Там в огне сгорают трава, сено и солома, а остаются золото, серебро, драгоценные камни. Как только поймёшь это, тотчас же приобщишься к Торжеству Православия.

У этого достойного словосочетания может быть бесчисленное количество маленьких, но драгоценных воплощений. Критики много. Ропота много. Но есть ведь и благодарные тихие речи. Есть скромный подсчёт больших и маленьких добрых дел, которые совершились и совершаются верующими людьми во имя Бога и Его же силою.

«У нас в селе долго не было храма, а теперь уже пятый год, как построили и освятили. С каждым годом всё больше прихожан» – это Торжество Православия.

«В больницах города волонтёры православного молодёжного движения за год убедили триста женщин отказаться от абортов» – это Торжество Православия.

«С тех пор, как в нашем исправительном учреждении открылся храм и заключённые стали активно его посещать, процент возвращения освобождённых обратно за решётку очень заметно упал» – и это Торжество Православия.

На тайский язык перевели Закон Божий, а в Пакистане появился первый в истории этой страны православный священник. Разве это не вселенское измерение и проявление того же празднования?

Пишутся книги, снимаются фильмы, венчаются пары, рождаются дети, которых на пороге жизни встречает Крещение и Церковь Христова. Разве это не Торжество Православия?

Торжество Православия – это не торжество над инославными

Митрополит Антоний Сурожский

После первой недели поста, когда читается канон Андрея Критского и мы проходим через все возможные моменты Ветхого Завета, человеческого падения, человеческой надежды, Божиего воздействия, наступает воскресенье, которое называется Торжеством Православия. И так легко нам почувствовать, что это день нашего торжества, что это день, когда мы, православные, на Божией стороне, когда, поскольку мы православные, мы в особенном положении, ибо Православие как чистота учения Христова, как совершенный образ духовной жизни восторжествовало хотя бы в нашей жизни.

И вот от этого представления нам надо сразу отделаться. Торжество Православия, в сущности, не торжество православных над инославными, даже не торжество над человеческой потемнённостью, это торжество Божие над нами самими.

И как мы должны быть благодарны Богу за то, что Он нас взыскал таких, какими мы являемся: в полутиме, полуслепые, тщеславные, бродящие по чужой стране, минутами к Нему бросающиеся, а потом снова Ему изменяющие, не понимающие величия ни Его, ни нас самих, ни ближнего нашего, забывшие или забывающие те изумительные моменты, когда мы близки к Богу, потому что Он к нам приблизился, порой в ответ на то, что мы тоскуем по Нему, даже не зная, по чому мы тоскуем, а порой – потому что Он приходит к нам, чтобы нас разбудить, оживить.

И вот настает момент, когда мы видим, как Бог в течение всей истории человечества пробивался через тьму, через бесчувствие, через измену и находил среди людей верных последователей Себе, которые давали Ему приют на земле, предательски врученной под владычество Его противника сатаны.

Когда я упоминал о мытаре и фарисее (Лк. 18:10-14), я говорил о том, что храм – это дом Божий, место, где Бог хозяин, место, где Он живёт, и куда мы допускаемся по Его милости. Это одна из поразительных вещей, которую мы перестали ощущать, которую ранние христиане, вероятно, переживали очень сильно, глубоко: что на земле, на которой Богу нет места, в обществе человеческом, где Он нежеланный, откуда Он исключён, есть какие-то люди, которые дают Ему приют.

Земля, на которой мы живём, вся предана человеческому произволу, но некоторые места на ней – храмы – всё-таки Ему принадлежат, это места прибежища для изгнанного Бога. И в этом отношении между Богом и нами какой-то удивительный союз. Какие-то люди, которые остались Ему верны, которые не побоялись стать на Его сторону, которые хотят, чтобы Он стал полностью Хозяином жизни и Строителем мира, в этом мире Ему дают приют.

Человеческая вера даёт Богу место в человеческом обществе и на земле. Разве это не изумительно? Разве это не может нас наполнить глубоким умилением, благоговением и ужасом? Бог странник, Бог – изгнаник, и есть у Него место прибежища, которое Ему предлагается человеческой верой. И Торжество Православия в этом контексте – это Божия победа над человеческими живыми душами.

Но какая победа? Когда мы думаем о победах, которые одерживают властители мира, эти победы ведут к порабощению побеждённых, подчиняют их, делают подвластными. Победа Божия, наоборот, освобождает нас от рабства, от рабства нашим собственным страстям, от рабства нашей слабости, немощи, от рабства страха.

Закон Христов – закон свободы; Христос

— Освободитель; победа Христова — наша свобода. И Торжество Православия — это день, когда мы с изумлением можем думать о том, что Бог всякого, кто к Нему обернётся, может сделать свободным, самобытным существом, укоренённым в Божественной свободе. Вот начало поста.

Не напрасно пост на некоторых западных языках называется словом, которое в наших церковных песнопениях обозначается как весна духовная. Весна, Lent. Это начало жизни, это момент, когда жизнь пробивается, начинает крепнуть и доходит до своего торжества в Воскресении Христовом. Но — Боже! — какой ценой! Это не постепенное раскрытие свободы, не постепенное вырастание. Торжество Православия, провозгласившее нам Божию победу, говорит нам также о том, какой ценой эта победа одержана.

Бог стал человеком, Он приобщился тварности, Он стал человеком в падшем мире и приобщился всем трагическим, разрушающим жизнь последствиям человеческой отчуждённости от Бога, всем последствиям греха, не греху, а именно его последствиям. И эти последствия — не только голод, не только усталость, не только холод, а в области человеческих отношений — не только одиночество, отверженность; это — в последнем, в конечном итоге — смерть.

Но что такое смерть? Откуда она может явиться? Единственный источник вечной, неумирающей жизни — это Бог. Как нам говорит Священное Писание, смерть вошла в мир через грех (Рим. 5:12). Только потому человек стал смертным, что он оторвался от Бога. И Сам Бог, ставший человеком, избирает путь полного общения, полной общности судьбы с нами, людьми. Он не рождается смертным, Он не умирает от *Своей* смертности. Церковная песнь нам говорит: «О Жизнь вечная, как Ты умираешь? О Свет вечный, как Ты угасаешь?..»

Святой Максим Исповедник говорит о том, что и в человечестве Своём Христос был бессмертен, потому что не может умереть человек, который всецело един с Богом...

Что же случается? Слышится что-то более страшное, нежели наша смерть. Христос вольно разделил всю нашу судьбу. Он стоит перед людьми непреклонно, бескомпромиссно заодно с Богом; и человечество, не только неспособное, но не желающее путей Божиих, не желающее пожертвовать своими путями ради того, чтобы выбрать только Божий путь, Его отвергает; Христос должен умереть вне человеческого града, потому что Он отвержен отпавшим от Бога человечеством.

Но Он ни в какое мгновение не отделяется от человека, от человечества. И для того чтобы разделить до конца человеческую судьбу, отверженный людьми, распинаемый ими, Он должен приобщиться к последнему ужасу человеческой судьбы — богооставленности, или вернее, утрате, потере Бога. *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15:34). В этот момент в Своём человечестве — не в Божестве Своём — в Своём человеческом сознании Христос приобщается ко всей обезбоженности отпавшего от Бога мира, и от всей этой нашей обезбоженности, нашего сиротства, нашей потери Бога умирает на кресте...

Это — торжество православия. Это торжество Божественной истины на земле, но не в словах, не в литургических формах, а в каких-то очень страшных сущностях. И когда мы празднуем Торжество Православия, мы должны помнить, что это Божие торжество над всем тем, что есть неистинного, греховного, что это вступление света во тьму земную, но какой ценой!

И опять-таки, мы начинаем пост с сознанием такого трепетного, священного ужаса. Если бы только мы могли это пережить в какой-то достаточной мере, то праздник Торжества Православия мог бы быть для нас действительно началом весны духовной, новой жизни в нас, обновлением.

(Цит. По: Митрополит Сурожский Антоний. Труды. Книга первая. — 3-е изд. — М., «Практика», 2014., стр. 647-649)

Спасённый солдат, чудесный цемент и молитва сторожа

Три истории преподобного Паисия Святогорца

«Лучше всех»

Однажды, когда я был солдатом, наш командир послал меня исполнить обещание, данное нами святому Иоанну Предтече после того, как он помог нам на войне. Мы дали обет купить для одной церквишки святого Предтечи два больших храмовых подсвечника.

Итак, мне надо было купить подсвечники, а заодно сопроводить одного нашего сослуживца в город Навпакт для передачи его военному трибуналу. Помню, другие офицеры говорили командиру: «Ну и конвоира ты ему подыскал!»

Несчастный, которого мне предстояло сопровождать, был родом из Эпира, по профессии музыкант, человек бедный, женатый, с детьми. Он обвинялся в самостреле, то есть в нанесении телесного увечья себе самому для того, чтобы его отправили в тыл. «Лучше, – рассудил он, – жить с одной ногой, чем быть убитым».

Сначала мы с ним приехали в Агринио, где у него были знакомые. «Пойдём, – говорит, – проведаем их». – «Ну что же, – отвечаю, – пойдём». «Пойдём сюда, пойдём туда», – что поделать, приходилось мне всюду с ним ходить. Ох, какие же мытарства! К тому же он не хотел, чтобы я сдавал его трибуналу.

Да мне и самому было жаль бедолагу, стало за него очень больно, и я сказал ему: «Вот увидишь – все у тебя обойдётся и устроишься лучше всех! Наш командир пришлёт объяснительную записку по твоему делу, и тебя пристроят в какое-нибудь тихое место – так что и детям своим сможешь помочь, и жизнь твоя будет в безопасности».

Добравшись наконец до Навпакта, мы узнали, что в трибунал уже пришло письмо от командира и дело на нашего самострельщика закрыто. А ведь ему грозил расстрел – время было военное, суровое.

Командир пожалел его, поскольку он был главой семьи, и назначил поваром в центр

распределения новобранцев. Его семья перебралась поближе к этому центру, и войну он провёл лучше всех, а поскольку солдаты иногда не приходили обедать в столовую, у него оставалась еда, и он кормил своих детей.

После войны все ему говорили: «Да тебе было лучше всех!» Потому что мы сидели в горах, в снегах.

То, что я пожелал ему, было угодно Богу, потому что я сказал с болью, от сердца. Поэтому Бог и исполнил это благословение.

Вера полевого сторожа

Будучи в монастыре Стомион, я познакомился с одним многодетным отцом. Он был полевым сторожем в одном селе Эпира, а семья его жила в Конице – пешком идти четыре с половиной часа. У него было девять детей.

Путь в то село лежал через монастырь. Идя на службу и возвращаясь домой, сторож заходил в обитель. Заходя на обратном пути, он просил у меня разрешения самому зажечь лампады. Несмотря на то что, зажигая их, он проливал масло на пол, я позволял ему это, я предпочитал потом подтереть пол, но не огорчать его.

Каждый раз, выходя из монастыря и отойдя метров на триста, он делал из своего ружья один выстрел. Не находя этому объяснения, я решил в следующий раз понаблюдать за ним с того момента, как он войдёт в храм, и до тех пор, покуда не выйдет на коницкую дорогу.

Так я узнал, что сперва он зажигал лампады в храме, потом выходил в нартекс и зажигал лампаду перед иконой Божией Матери над входом.

Потом он брал на палец масла из лампады, вставал на колени, простирая руки к иконе и говорил: «Матерь Божия, у меня девять детей. Пошли им маленько мясца!»

Сказав это, он мазал маслом, которое было у него на пальце, мушку на ружейном стволе и уходил.

В трехстах метрах от монастыря, возле одной шелковицы, его ждала дикая козочка. Как я уже сказал, он делал выстрел, убивал её, относил в пещеру, находившуюся чуть подальше, там свежевал и нёс своим детям мясо. Это происходило каждый раз, когда он возвращался домой.

Я был восхищён верой полевого сторожа и Промыслом Божией Матери.

Спустя двадцать пять лет он приехал на Святую Гору и разыскал меня. Во время разговора я непроизвольно спросил его: «Как твои дети? Где они?» В ответ он сперва указал рукой на север и сказал: «Одни в Германии», а потом, простерев руку к югу, добавил: «А другие в Австралии. Слава Богу, здоровы».

Этот человек берёг в чистоте от безбожных идеологий и свою веру, и себя самого, поэтому Бог не оставил его.

Чудесный цемент

Помню, когда мастера заливали бетоном потолочное перекрытие в сгоревших

кельях, заканчивался цемент. Оставалось засыпать ещё треть перекрытия.

Подходят ко мне мастера и говорят: «Цемент на исходе. Надо класть в бетон побольше песка и поменьше цемента для того, чтобы засыпать всё». – «Нет, – сказал я им, – не разбавляйте, продолжайте, как начали».

Привезти ещё цемента было невозможно, потому что все мулы были на поле. Мастерам надо было два часа идти до Коницы, потом еще два часа до поля, искать там на пастбище мулов. Сколько бы они потеряли времени... А потом у людей были и свои собственные дела, прийти в другой день они бы не смогли.

Смотрю: залили две трети перекрытия. Я зашёл в церковку и сказал: «Владычице моя, что же теперь?! Прошу Тебя, помоги нам!» Потом вышел я из храма...

– И что потом, геронда?

– И перекрытия закончили, и цемент лишний остался!

– А мастера это поняли?

– Как не поняли! Как же велика иногда помощь Бога и Пресвятой Богородицы!

Наказывает ли Бог за свободу?

Мы трясемся от страха над страницами Библии, когда читаем её поверхность. «Моя любимая часть Библии – когда Бог дарит человеку свободу воли. А потом топит всех, как котят, потому что вели себя не так, как Он хотел» – с этой мыслью полемизирует катехизатор, ведущий семейного клуба трезвости при храме святителя Иннокентия в Бескудникове Иван Алексюк

«И ты веришь такому Богу?»

Некоторые высказывания или цитаты из Библии могут выбить верующего человека из колеи, потому что они подрывают внутренние основы наших отношений с Творцом, такие, на которых всё и держится. Увидишь или услышишь что-нибудь неожиданно и «зашатаешься», а сердце начинают терзать

сомнения. Конечно, мы хотим, чтобы Бог любил нас, был справедлив, но и милосерден, заботился о нас и помогал, когда тяжело.

Но вдруг появляется некто и говорит: ты посмотри, все совсем не так, что далеко ходить, вот в Библии же написано иначе, наглядно видно, что Он совсем не такой, жестокий на самом деле и не понимает, что делает. Похоже на слова змея в третьей главе книги Бытия: «...

но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши...» (Быт. 3:5).

То есть змей представляет дело так, будто бы Бог от прародителей что-то скрывает и замыслил нечто за их спиной, то, о чём они и не подозревали, что Создатель угрожает наказанием, чтобы скрыть возможности, и замысел Его неясен и покрыт туманом. Говорит одно, а думает другое. И сразу хочется пойти такому Богу наперекор.

Как и в той цитате, которая приведена в начале, смысл таков: «Смотрите, такой прекрасный дар от Бога – свобода, можно жить, радоваться и делать, что хочешь, и вдруг потом, неизвестно почему, наказание за неё, смерть и боль, неожиданно и внезапно. Только что я наслаждался и был счастлив, но тут, какая подлость, потоп пришёл». Напрашивается вопрос: «И ты веришь такому Богу?»

Почему мы читаем Писание, как детектив

На самом деле такие представления возникают у людей сначала от личной обиды на Бога, потому что нечто в их жизни пошло не так, как им бы хотелось, но смысла этих событий они не поняли. Но ещё и оттого, что Священное Писание читается невнимательно и поверхностно. Так, глазами пробежать, словно детектив какой-то. Но исследовать текст стоит очень вдумчиво, поскольку в Библии важно каждое слово. Там всё на своём месте и выражено предельно точно.

Нигде в Священном Писании не сказано, что Бог наделяет своё разумное и, более того, имеющее бессмертную душу творение, такой свободой, которая делает это дивное существо – человека – подобным беспечному гуляку с наследством: пил, ел, танцевал, сам не заметил, как деньги кончились, и оказался на улице. Да ещё Бог оказался виноват.

Но подумаем, ведь такие ситуации в жизни возникают не столько из-за «добрых» родственников или самой свободы, сколько из-за невнимательного отношения к ней и пренебрежения другими свойствами личности, например такими, как воля и интеллект. А также от отсутствия в поле зрения человека верного направления.

Через заповедь Бог придает свободе смысл

Бог не делает из свободы игрушку, в которую, «если будешь не по-Моему играть, накажу». Он творит человека и поселяет его в саду Едемском, «...чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15). У «венца творения» изначально есть назначение и цель, к которой он должен двигаться. Возделывать – значит развивать, улучшать и преображать, а хранить – значит заботиться, не оставлять без присмотра и не запускать.

Затем даётся заповедь – беспрепятственно пользоваться тем, что дано – «...от всякого дерева в саду ты будешь есть» (Быт. 2:16), но при этом помнить о воле Творца, которая очень

важна в этом мире – «...от дерева познания добра и зла не ешь от него» (Быт. 2:17). Это не диктатура, как можно подумать, не прихоть Создателя, но необходимая составляющая отношений, в основе которых не превосходство Бога, но совместное действование – синергия, при которой в памяти человека все время должен находиться Тот, с кем он нерушимо связан.

Всё существование человека пронизывает присутствие неизреченного, бесконечно благого и невыразимо прекрасного Бога, и это понимание необходимо содержать внутри, как память о ком-то любимом и близком, и как память о Владыке. Заповедь «не есть от дерева» говорит человеку о том, что он живёт в мире Бога, и направляет его мысль к тому, чтобы свои действия соотносить с Его святой волей. Это необходимо, поскольку есть и ещё кое-что, самое главное во взаимодействии творения и Творца.

Мы не можем просто так взять и вынести на помойку детские фотографии матери, с которой живём в одной квартире, или сломать деревянный корабль сына, который он несколько месяцев мастерил. Мы помним, что есть люди, которые нам дороги, что есть вещи, которые важны для них, и соотносим свою волю с волей наших близких, для того чтобы сохранить самое важное. Любовь. Иначе и отношения нельзя так назвать. Иначе нет живой связи. Если не принимаешь во внимание другую личность, а живёшь только собой. Поэтому Бог, через заповедь, придаёт свободе смысл.

Бог не играет нашими жизнями, но творит вместе с человеком

Нарушение заповеди предполагает последствия: «...ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:17). Если хочешь любить, то должно быть не только взаимопонимание и согласие по умолчанию, но и ответственность за то, что ты выбираешь.

Ты помнишь обо мне? Да. Почему же тогда живёшь так, словно не замечаешь? Не получится быть с кем-то и при этом делать только что-то своё, отдельное, игнорируя того, кто рядом. А Господь всегда с нами. Поэтому с самого начала свобода, данная Богом, предполагает

ответственность, поскольку всё, что будет делать человек, предельно глубоко осмысленно и весьма тонко задумано Творцом.

Полученный человеком дар – свобода воли, предполагает широкие и богатые возможности, оттенки и сочетания смыслов, но вовсе не сводится к тому, чтобы только развлекаться, кружиться, наслаждаться, а потом неожиданно получать за это по башке, когда соседей музыка замучила и они вызывают полицию. Это совершенно примитивный взгляд.

Бог не играет нашими жизнями, но творит вместе с человеком. Он приводит к человеку созданных Им животных, чтобы, «...как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). В этом действии Творца выражен Его замысел о видимом мире: «Продолжай то, что Я начал, не потому что Я не могу это сделать Сам, но потому что Я люблю тебя и хочу, чтобы твоя жизнь была осмыслена и устремлена вперёд».

Для подлинной любви необходимо то, что постичь невозможно

Но неужели всё дело только в том, чтобы прибавить к свободе ответственность, которую не очень хочется нам, современным людям, иметь на плечах, задать вектор и цель, пусть даже творить вместе с Богом, развиваться? Допустим, даже я понял, что должна быть любовь между людьми и Творцом, хорошо – но какая именно? Просто «ты мне – я тебе»? Или «мы вместе», и всё – этого достаточно? Делай, как я говорю, делай вместе со мной, и ничего страшного не случится?

Создатель идёт ещё дальше. Он являет Свою волю о древе познания не только для того, чтобы человек в уме своём все время предстоял перед Ним. Не только для того, чтобы люди отвечали за то, что делают, и видели перспективы, которые открывает тот или иной выбор. Не только это. Господь даёт людям потенциальную возможность познать тайну не просто взаимной любви как таковой, но любви жертвенной, которая одна только и является истинной любовью.

Для этого на внутренний жертвенник, перед Богом, мы приносим нашу личную волю и оставляем её, мы совершаем акт самоотречения,

добровольно делаем тесным наш путь, и в смирении находим то, что за гранью разумного и логически правильного — нам открывается иррациональный смысл любви, для которой недостаточно одного лишь человеческого сознания.

Для подлинной любви необходимо нечто такое, что и постичь невозможно. И Бог это нам открывает — мы прикасаемся к Личности Творца, которая за гранью восприятия. Через жертву, которую приносим, избирая не своё: «вожделенное и приятное для глаз», не то, что легко, но то, что трудно: «не ешь от него». Да будет воля Твоя.

Но если любовь такова, то тогда я не хочу, не могу любить... Почему это так больно? Потому что эта любовь — настоящая.

Один грех одного человека тянет за собой десять

К сожалению, человек выбирает иное. Дьявол соблазняет Адама и Еву, и закономерно наступают последствия. Тела людей теперь разрушаются и умирают. Или Бог не предупреждал? «...ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:17).

Он в этом случае никого не топит, как беспомощных и слабых созданий, но, не найдя покаяния в совершивших преступление, отправляет их в изгнание, поскольку положение дел может стать намного тяжелее, чем мы себе представляем: поврежденный грехом человек вкусит от Древа Жизни и останется бессмертным, но в искаженном, падшем состоянии — «...и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусили, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22). Страшная участь, от которой, по милости Божией, мы избавлены.

Дальше, по правде, все равно людям становится очень трудно жить, но происходит всё это не сразу и не вдруг. Каин убивает Авеля, отправляется в изгнание, и возникает целая ветвь его потомков, которая повреждена грехом ещё больше, чем другие люди. Один грех одного человека тянет за собой десять, а потом ещё тысячу и ещё миллион. В результате мы приходим к критической точке — «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков

на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6:5).

Таким было состояние людей тогда, когда на земле жил Ной. Единственный, кто оказался праведен перед Творцом. Остальные же отклонились от своего предназначения и любви Божией не просто очень далеко, но совершенно потеряли правильную дорогу, даже и не думали вернуться на нее, все заполнила собою жизнь ради греха.

Больше уже никогда не случится самое страшное

И только теперь пришло время потопа. Который мы воспринимаем так: будто Бог, чрезвычайно жестокий и страшный, несправедливо мстит человеку, Ему словно нравится наказывать и карать, мучить и лишать жизни. И вот Он приступает к тому, чем привык заниматься. А мы должны трястись от страха и охваченные ужасом падать ниц, но нас и не подумают прощать. Громы и молнии неизбежны.

Однако здесь всё сложнее. В критический момент, когда последствия грехопадения могут стать необратимыми, Бог своим промыслительным действием изменяет ход человеческой истории и направляет её от погибели ко спасению. Он положил предел царству греха, которое строили люди, утратившие подлинный смысл своего существования, навёл на землю потоп и дал ей новую жизнь. Чтобы в дальнейшем от Ноя и его сыновей Сима, Хама и Иафета произошли праведники, способные служить Богу и вести людей к Нему.

Больше уже никогда не случится самое страшное, критический этап человечеством пройден, и оно, несмотря на множество испытаний и падений, не будет целиком предано беззакониям. Зло не победит в этом мире, о чём свидетельствует знамение завета между Богом, Ноем и его сыновьями: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением [вечного] завета между Мною и между землёю» (Быт. 9:13). О бесконечной милости, победе добра и Божией правды говорит она людям.

Неистребимость истины

Годовщина Крещения Руси была отмечена грандиозным – около трёхсот тысяч участников – крестным ходом Украинской Православной Церкви. Это огромная радость для всех нас – для всех наследников Крещения, совершенного святым князем Владимиром.

Бывают цивилизации, чьё возникновение теряется где-то в глубине веков; бывают и такие, которые могут точно назвать дату своего рождения. Цивилизация, к которой мы принадлежим, возникла в 988 году, когда жители Киева, по призыву своего князя, приняли Крещение в Днепре. Благодаря этому событию конгломерат племён как славянских, так и не славянских, упомянутых в «Повести временных лет», превратился в новый народ, с единой верой, единым языком и единым самосознанием.

Крещение возвращает нас к нашим общим корням. Жители Киева X века называли себя «русскими» и свою землю «русской». Конечно, это не значит, что они были именно русскими в современном смысле – но они были самыми настоящими русскими.

Мы можем признавать сложившиеся за века этнические различия – как и то, что мы, современные русские, украинцы и белорусы – живём в разных государствах, но Крещение возвращает нас к факту нашей глубокой цивилизационной общности.

Этому крестному ходу предшествовал очень трудный год в жизни Церкви. Бывший президент Пётр Порошенко предпринял попытку её уничтожить – «обрубить щупальца врага», как он изящно выразился. Для этого он привлёк патриарха Константинопольского Варфоломея, который, при самой активной поддержке американских кураторов, должен был создать для Украины новую Церковь – ПЦУ, «Православную церковь Украины», которая уже никак не была бы связана с Московским патриархатом. Новая структура должна была объединить членов двух расколов – так называемого Киевского патриархата и УАПЦ – и поглотить Украинскую Православную Церковь.

Для этого был проведён так называемый объединительный собор, на котором в президиуме

заседал сам Порошенко и на который пытались согнать епископов УПЦ – при помощи весьма грубого давления. Подконтрольные Порошенко телеканалы поливали Церковь грязью, СБУ вызывала епископов и священников на допросы и проводила обыски, «патриотические активисты» кричали под окнами «коммунистического попа – на гиляку», Госдеп не упускал случая подчеркнуть, как горячо он поддерживает весь проект.

Предполагалось, что когда часть епископов Украинской Православной Церкви перебежит в новую структуру, сильно поредевшую Церковь можно будет добить при помощи специальных законов о запрете ей именоваться «украинской» и специального закона о церковном рейдерстве, который максимально облегчал захват церковных зданий в пользу новосоздаваемой структуры.

Уже шла подготовка к передаче ПЦУ духовного сердца Киева – Киево-Печерской лавры, этому подыскивались юридические основания. Однако ничего похожего на массовый переход не случилось – из 90 епископов УПЦ в ПЦУ перебежали только двое, переходы – добровольные или нет – храмов под новую юрисдикцию тоже не оправдали ожиданий. Церковь выстояла под страшным давлением. А вот расчёты Порошенко привлечь голоса избирателей, разъезжая по стране с новообретённым томосом – документом о признании новой структуры Константинополем – не оправдались. Выборы он, как известно, проиграл.

Церковь при этом не занималась политикой, но просто оставалась сама собой. Причина этой невероятной устойчивости Церкви ко всем попыткам её уничтожить – запугать или соблазнить, подавить снаружи или разложить изнутри – начинает проясняться, когда смотришь на лица участников крестного хода.

Крестный ход резко отличается от любых политических шествий – и не только своей многочисленностью. В нём отсутствует тот материал, из которого обычно делаются массовые выступления – гнев, фрустрация, обида, сплочение против общего врага.

Обычный механизм формирования групповой солидарности, чувства принадлежности и сопричастности – ненависть к общему врагу, «мы против них», «кто не скачет – тот чужак», негативная эмоциональная накрутка, озлобленные ритмичные выкрики, подогревание негодования по поводу реальных или предполагаемых обид, которые «мы» потерпели от «них». Всё это мы хорошо видели на различных уличных шествиях. Это кипячение против общего врага создаёт тёплую, хотя и кратковременную, иллюзию сплочения и эйфорического единства, чудесной ясности восприятия – вот наши славные товарищи, вот наши проклятые враги.

Но крестный ход выглядит совершенно иначе. Никаких криков «смерть ворогам», никаких пожеланий сгинуть кому бы то ни было – спокойные, радостные, умиротворённые лица. При этом речь идёт о сообществе, которое совсем недавно столкнулось с острой враждебностью и преследованиями – однако люди не проявляют ничего похожего на озлобленность. Нет никаких угрожающих кричалок против обидчиков. Есть только древние, торжественные и радостные молитвы. Это лица людей, у которых есть подлинная любовь между собой; они рады и счастливы быть вместе, увидеть друг друга. Их взаимная привязь – это не производная от ненависти к кому-то. Это проявление того сокровища, которое никто не сможет у них отнять – Православия.

Объединения, построенные на вражде, легко создаются, но легко и разрушаются – люди либо выдыхаются, либо начинают конфликтовать уже между собой. Церковь собирает людей не на вражде к кому бы то ни было, но вокруг переживания общей веры – прощения, надежды, преображения и восстановления жизни. Церковь вышла не против кого-то, а чтобы отпраздновать обретение нашими предками истинной веры.

Почему так важно помнить об этом, более чем тысячелетней давности, событии? Представьте себе человека, который приходит в себя после тяжёлой аварии и обнаруживает, что он потерял память – он не знает, кто он такой, где он родился, где его родные, чем он занимается в жизни, в чем его цели и каковы его обязанности по отношению к другим

людям. Это страшное несчастье, и человек, который оказался в таком положении, уязвим и беспомощен – его держат в больнице, пока память не начнёт возвращаться. В этой ситуации он легко может стать жертвой обмана, ложной, навязанной идентичности – ему могут внушить ложное представление о нём самом, его могут использовать для достижения чужих целей. Такое несчастье может происходить и с целыми общностями – когда разрушается историческое преемство и люди подпадают под власть ложных и пагубных идей, которые подменяют их естественную, укоренённую в самом их происхождении, идентичность, другой – сконструированной, придуманной, идеологической.

Это происходит, когда общество не растёт органически, питаясь от своих исторических корней, а загоняется в искусственно созданный проект. Эти проекты могут быть разными – коммунистическим, как у нас в России, расистским, как в национал-социалистической Германии, либеральным, как у нас в 90-е годы, или националистическим – как это сложилось на постмайданной Украине. Общее всех этих проектов в том, что та или иная группа идеологов объясняет (с большим или меньшим принуждением) всем остальным, кто они теперь такие, какова их «настоящая» история, где их враги и что им надлежит делать.

Конечно, эта искусственная идеологическая идентичность неизбежно конфликтует с естественной, консервативной, органической. Возвращение к подлинным истокам обнажает всю фальшь построений идеологов. Когда, например, вы обращаетесь к величественной фигуре святого Владимира Крестителя, Бандера и Шухевич приобретают свой подлинный масштаб – мелких, очень мелких негодяев, мелькнувших на полях истории грандиозной восточнославянской цивилизации, возникшей

благодаря решению киевского князя. Причём идеологи терпят крах не потому, что их как-то специально ниспровергают, а просто потому, что истина рассеивает ложь – если вернуться к примеру с потерявшим память человеком, то потому, что его находит его подлинная семья.

Обращаясь к Крещению Руси, мы все – украинцы, русские, белорусы – приходим к

неиссякаемому источнику мира и исцеления. Мы находим там наши подлинные корни – и, что самое важное, правую веру, которую до нас донесли поколения наших предков.

Сергей Худиев
<https://pravoslavie.ru/122771.html>

«Абьюз» русского языка

В русский язык в последние десятилетия вошло огромное количество англицизмов, которые заняли свои места повсюду – от профессиональной лексики до молодёжного жаргона. Люди, обеспокоенные чистотой языка спорят об этом с теми, кто указывает на массу французских и немецких слов, которые тоже сначала резали слух, а потом ничего, ассимилировались и обрусили.

Не вступая в полемику об этом, я хотел бы указать на другую проблему – заимствование идеологической и манипулятивной лексики, которая неизбежно (и намеренно) искажает картину мира. В знаменитой антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» описан «новояз» – язык, полностью подчинённый нуждам идеологии, так, что на нём в принципе невозможно выразить не соответствующие этой идеологии мысли. Оруэлл только несколько заострил хорошо известное явление – тоталитарные идеологии создают свой собственный язык, описывающий нужную им картину реальности, так, что просто говоря на этом языке, вы уже оказываетесь внутри соответствующей картины мира.

В последнее время становится хорошо заметным употребление в русском языке слова «абьюз». Это прямое заимствование английского «abuse». Многие говорят, в этом нет никакой проблемы – мы же используем такие слова, как «ноутбук» или «смартфон», и ничуть не беспокоимся об их английском происхождении.

Что же, проблема не в языке происхождения. Проблема в том, что это один из тех терминов, которые выполняют функцию объединения

разнородных явлений в одном термине – и таким образом, в их смешении на уровне восприятия. А это – очень важный приём идеологической манипуляции.

Конечно, тут следует подробно разъяснить, о чём идёт речь. Допустим, меня раздражает высшее образование, и я, по каким-то своим причинам, хочу, чтобы его не было. Начни я атаковать университеты в лоб – я вряд ли добьюсь успеха. Но я могу зайти с другой стороны. Например, я изобрету какой-нибудь негативно звучащий термин... Ну, например, «злоучительство». «Злоучительство» – это а) принуждение профессорами студенток к сожительству под страхом отчисления; б) добровольные связи между профессорами и студентками; в) побои, наносимые учащимся; г) грубые публичные оскорблении; д) низкая оценка знаний на экзаменах; е) замечания во время занятий, например, требования не играть в телефоне; ж) любое вообще поведение, вызывающее неудовольствие студентов.

Я разверну кампанию по борьбе со «злоучительством» – меня поддержат, ведь речь идёт о каких-то действительно плохих вещах, в диапазоне от преступлений, предусмотренных УК, до грубых нарушений профессиональной этики. Кто же из нас станет поддерживать «злоучительство»? Разве что сами бессовестные профессора, злоучительству которых, благодаря пробуждению общественности, приходит конец.

Естественно, профессора будут опасаться получить ярлык «злоучителя», то ли он принуждает студенток, то ли не даёт играть в телефоны на лекциях, в общем, мерзавец.

Сам термин «злоучитель» будет побуждать людей предполагать худшее, а обеспокоенные родители будут требовать увольнения мерзкого типа. При этом он, может быть, совершил какой-то мелкий проступок, например, прикрикнул на студента или вовсе добросовестно исполнил свои обязанности, поставив низкую оценку. Всё равно он злоучитель и заслуживает соответствующего обращения.

Я получаю, во-первых, власть над людьми: профессора должны делать то, что я хочу, иначе они будут зачислены в «злоучители» со всеми вытекающими. Во-вторых, я наношу серьёзный репутационный удар по высшему образованию, как несомненному оплоту такого нестерпимого зла, как «злоучительство». Более того, моя борьба наделяет меня ореолом высокого идеализма – я, как человек совестливый и неравнодушный, борюсь со злом, а те, кто станут возражать мне – люди, напротив, глубоко подозрительные. Сторонники злоучительства, посмотрите-ка на этих негодяев!

Но вернёмся к нашим абьюзам. Исходное английское слово означает «злоупотребление» в широчайшем смысле. Например, сотрудник, который, вместо того, чтобы работать, играет в компьютерные игры, abuse (злоупотребляет) снисходительностью своего начальника. Пьяница abuse (злоупотребляет) алкоголем. Это же слово означает «плохое обращение» (в очень широком смысле). Матерщинник подвергает окружающих verbal abuse, то есть грубой бранью. Школьники, рассказывающие анекдоты про тархистанцев (особенно в присутствии мальчика-тархистанца), совершают расовый abuse.

Преступники, принуждающие женщин к проституции, совершают abuse. Тюремщики, пытающие заключенных – то же самое, abuse. Обидные подколки на рабочем месте – это, опять таки, abuse. Child abuse (у нас обычно переводится как «жестокое обращение с детьми») это что-то в диапазоне от жестоких истязаний до отказа в покупке игрушки. Spouse abuse, он же «семейное насилие» – жестокое обращение с супругой в диапазоне от нанесения увечий до, опять же, подколок.

То есть abuse – это что-то в диапазоне от вопиющих злодеяний до ругани и любого вообще неодобряемого поведения.

Соответственно, «абьюзер» – это категория, включающая в себя как опасных психопатов, так и, практически, кого угодно.

При этом, конечно, в русском языке существуют слова, обозначающие все эти действия – но они позволяют провести вполне очевидную границу. «У них был тяжёлый вечер – она его абьюзила нищебродом и алкашом, а он её абьюзил толстой дурой, а потом они помирились», это будет по-русски называться «поругались». А «он нанёс ей тяжёлые телесные повреждения» – это будет совсем другая категория, и мы охотно согласимся, что место мерзавца – в тюрьме.

Объединять перепалку и нанесение увечий в одну категорию – «абьюз» – значит создавать путаницу. Но эта путаница может быть очень удобным инструментом, когда нужно, например, записать какую-то категорию лиц в «абьюзеры» или представить традиционную семью как место «абьюза».

Конечно, большинство людей, которые используют этот модный термин, делают это без каких-либо коварных планов. Просто так это работает – вы незаметно начинаете говорить на определенном идеологическом сленге, и усваиваете связанный с ним взгляд на вещи.

Похожим образом работает и термин «гомофоб» – объединяющий в одну категорию неонацистов и хулиганов, и любого и каждого, кто ещё не присягнул ЛГБТ идеологии. Можно привести пример и из совсем другой идеологической области – термин «экстремист», который обозначает кого-то в диапазоне от мятежников и террористов до старушек-сектанток, которые тайком собираются на квартирах для своих сектантских молений.

В любом случае употребление слова таким образом, что оно объединяет а)тяжких злодеев, б)людей, повинных в мелких проступках, в) людей и вовсе ни в чём не повинных – опасно и разрушительно для языка.

Во времена Шишкова такой проблемы не было, но у нас она, определенно, есть. Нам лучше не заимствовать (и не употреблять) слов, обладающих таким эффектом.

Сергей Худиев
<https://pravoslavie.ru/142305.html>

Три истории об исповедании веры

Говорят, что от веры не отрекаются в одночасье. Отречение может происходить по крупицам, по песчинкам ежедневно, а потом уже достаточно пёрышка, чтобы сломать спину верблюду. Иногда достаточно промолчать, чтобы не выделяться, быть «как все», находя своему малодушию убедительные оправдания – и это будет маленький шажок в сторону от веры. Миллиметровый, незаметный, но дорога начинается с первого шага, как говорят китайцы. Вовремя распознать момент, когда душа делает выбор, очень важно для христианина. Именно об этом истории, которые опубликованы с разрешения их героев.

История №1

Мне повезло – гаишник попался добрый, удалось разжалобить. Он отпустил меня без штрафа, взяв честное слово, что я прямо сейчас поеду менять уже месяц как просроченные права. Слово я почти сдержала – не в тот же день, но поехала по врачам добывать медицинскую справку.

С первых секунд разговора психиатр показался мне крайне странным. Я слушала его монотонный голос и пыталась решить: это здоровый человек, который таким способом проверяет меня, или больной в поисках единомышленника? Мне нужна была справка, поэтому я только мило улыбалась да кивала, изредка вставляя незначительные реплики. Диалог наш был по-чеховски забавным, но я перескажу только его финал.

– Вы не должны быть уверены ни в чём, – говорил психиатр. – Мир меняется, меняетесь вы, ваше тело претерпевает внутренние взрывы.

– Ладно...

– На самом деле вы ничто, Марина. Вашей личности не существует, вы просто сосуд...

Тут во мне щёлкнул какой-то предохранитель, и я, не задумываясь, выпалила:

– Я православная, и моя душа бессмертна.

Повисла неловкая пауза. Врач замер. Права в моём воображении уплывали вдаль.

– Но я не против, если вы будете считать сосудом себя, – попробовала я исправить ситуацию.

«Попасть теперь в психушку – это будет самое нелепое страдание за веру в историю. Тебя же никто не спрашивал, чего ты лезешь?» – пронеслось в моей голове.

– Это заблуждение у вас скоро пройдёт, – опомнился психиатр.

– Не думаю, – я решила, что терять больше нечего. – А во что верите вы? Бог есть?

– Не знаю, может быть... но это очень личное!

– Простите...

Мы какое-то время сидели молча, рассматривая друг друга.

– Пройдёмте! – психиатр встал и направился к двери.

Я поплелась за ним, мысленно рисуя картину, как буду звонить родным из психушки и объяснять, как я туда попала. Права уже мало интересовали. Мы дошли до окошка, где молоденькая медсестра выписывала справки.

– У девушки всё в порядке! – сказал мой врач и удалился, подмигнув мне.

Я получила бумажку и отправилась за правами со своей бессмертной душой в пятках.

История №2

Детские книги – это моя любовь... с детства. Окончив институт, я решила, что лучшая работа – та, которой хочется заниматься даже в свободное время, поэтому стала искать работу в издательстве. Любом, которое издаёт детские книги. Рассыпала резюме, даже иногда проходила собеседования, но всё напрасно. Эта дверь была для меня закрыта.

Шли годы, я работала на другой работе, тоже неплохой, но должность редактора в издательстве оставалась моей мечтой. И вот однажды друзья познакомили меня с женщиной, которая занимала должность руководителя подразделения в довольно известном книжном доме. Слово за слово, и я рассказала, как

безуспешно пыталась найти работу в отделе детской литературы. Наталья Васильевна (назовём её так) тут же выразила готовность помочь мне.

— Пришлите резюме, я сама отнесу его специалистам по набору персонала. Тогда его точно не проигнорируют.

Воодушевлённая, я в тот же день отправила резюме и стала ждать приглашения на собеседование. Но дни шли, а мне никто не звонил. Примерно через неделю я снова встретила Наталью Васильевну в гостях у друзей. Она отозвала меня в сторону и сказала примерно следующее:

— Понимаете, наши специалисты изучают страницы в социальных сетях у каждого кандидата при приёме на работу. А у вас там в графе «Религия» написано «православная христианка». Уберите это оттуда! Вас же никто не заставляет перестать в храм ходить. Просто не надо всем сообщать об этом, это же личное. Уберёте – и вас пригласят на собеседование.

— Не уберу, — ответила я.

В тот день я поняла, почему Господь так настойчиво отводил меня от того, что казалось мне работой мечты.

Пришла бы я в издательство со своими морально-нравственными принципами, а мне дали бы текст, в котором заключаются нападки на христианство. И что бы я делала? Готовила его к выпуску, оправдывая себя тем, что не могу же я голодать? Или принялась бы объяснять руководству, что недопустимо издавать такие тексты? Думаю, специалисты из отдела по набору персонала понимали это тоже. И поскольку главный принцип издательств – выпускать то, что хорошо продаётся (так мне говорили на собеседованиях), морально-нравственные установки в этот принцип не вписываются.

История №3

Актёрская профессия – не лучшее занятие для христианина. Но что делать, если в храм ты пришёл уже в возрасте, всю жизнь работал актёром и ничего другого не умеешь? Пытаться совместить одно и другое. Тем более что история знает мимов, ставших мучениками за веру: Порфирий, Геласий, Ардалион... На

любом месте можно спастись.

Спектаклю всегда предшествуют читки. Собираются актёры, режиссёр, драматург и читают пьесу по ролям. Иногда читают актёры, иногда – сам автор пьесы. Так было и в тот раз. Мы собрались в репетиционном зале, драматург сел перед нами на стул и начал читать своё новое произведение. Он читал, а мы морщились: текст примерно на треть состоял из матерных слов. Я много общался с монахами и слышал от них совершенно однозначное утверждение, что мат – это язык бесов. Поэтому нигде и ни при каких обстоятельствах использовать обсценную лексику нельзя. И если остальные в зале морщились оттого, что было просто противно, меня передёргивало ещё и от сознания, что рядом с нами звучит бесовский язык.

Читка закончилась. Все молчали. Актёры понимали, что возражения чреваты потерей роли в спектакле, который должен ставить очень хороший режиссёр в очень хорошем театре. Хотя именно им предстояло произносить эти ужасные слова со сцены – все молчали. Мне стало противно, и я сказал:

— Такая лексика недопустима.

И разгорелся спор! Режиссёр встал на сторону драматурга. Они оба доказывали, что только такими словами и должны сопровождаться события пьесы. Актёры тоже начали осторожно высказывать своё мнение, но зачинщиком – зачинщиком был я. И режиссёр это запомнил: роли мне не досталось.

История получила неожиданное развитие: возникший спор дошёл до ушей художественного руководителя театра, и он заявил, что на этой сцене мат звучать не будет. Весь текст переписали человеческим языком, спектакль вышел и идёт до сих пор – но без меня. А режиссёр – очень хороший режиссёр! – больше ни разу не пригласил меня в свой проект. О чём я, конечно, сожалею и пытаюсь решить: можно ли было выйти из ситуации по-другому?.. И не могу найти на этот вопрос ответа.

Записала Анна Берсенева-Шанкевич
<https://pravoslavie.ru/144603.html>

Пельмени

Всё произошло пятничным августовским вечером, в бархатных объятиях которого уже чувствовалась неизбежная прохлада сентября. Целую вечность стояла я перед магазинным морозильником, сравнивая ценники на пельмени. Неожиданности не произошло: «Останкинские» в картонной аloy пачке, как впрочем, и всегда, оказались самыми дешёвыми.

– Если их приготовить по-умному, то эти пельмени очень даже вкусны. Разогреть сковородку, кусочек сливочного масла, поджарить. Потом убавить огонь, подлить немного соевого соуса, перевернуть и накрыть крышкой. Масло сливочное – не по акции, дорогое, возьму подсолнечное, дома есть, оно полезнее, и соевый соус в другой раз куплю, он дорогой, уговаривала я себя почти вслух.

Дома ждали дети. От скуки или, наоборот, от избытка эмоций, они постоянно дрались. С криками, воплями и обзывательствами. Вдобавок, если были голодны, то постоянно звонили мне и спрашивали, вырывая друг у друга трубки, что поесть. Каждые полчаса. Вот как сейчас. Я сказала им, что буду скоро и приготовлю на сковороде обалденное блюдо. Пельмени...

Оставалась последняя подопечная. Мигом слетать к ней на пятый этаж без лифта, отдать продукты и домой – жарить дешёвые пельмени, уговаривая себя и детей, что это вкусно, и только потому, что до зарплаты неделя.

Дверь Зинаиды Петровны была открыта, слышались посторонние голоса и пахло лекарствами. Врачи скорой сняли электрокардиограмму и тревожно переглядывались:

– Нужно в больницу, бабуль, и как можно скорее. Вещи собраны?

– Я никуда одна не поеду, вот сын вернётся

из командировки, свезёт меня. У него авто имеется. Красное, – отрезала моя подопечная.

– А вы кто? – спросила врач, будто только что увидев меня.

– Я соцработник. Вот, продукты принесла.

– Сможете сопроводить? Может, с вами она согласится? Инфаркт у неё, похоже, – тихо сказала та, что постарше.

В этот момент у меня зазвонил телефон. Да, это снова были дети:

– Он дерётся и ещё укусил меня!

– Она выключает мои мультики!

– У нас нет в холодильнике вообще ничего!

– Хлеб даже плесневый!

– Она ударила первая и ручкой мне нарисовала на ноге!

– Сел на пульт и не встаёт!

– А она ущипнула! Больно!

– Никуда Ирка не поедет: у неё дети дома бедлам устроили, вы что, не слышите? – грозно сказала бабуля, – я отлежусь, и пройдёт. Чай, не впервые. Зря я сегодня принялась потолок мыть на кухне. Надо было с ванной начать...

– Потолок?! – врач уважительно посмотрела на Зинаиду Петровну.

Только мои горячие уверения в том, что дети дома с бабушкой (на самом деле нет) и накормлены, заставили подопечную согласиться на госпитализацию. И конечно, я поехала с ней. Просто не могла бросить её. За 85 лет это была первая больница в её жизни. Рождение сына не

в счёт. Роддом – место радости, а не инфарктов.

Ожидание в приёмном покое длилось бесконечно, как высоврливание кариозной полости в больном зубе. Тогда не было у меня ловкости и знаний растолкать всех и продвинуть бабулю вперёд. Её сердечко билось из последних сил, она крепко держала меня за руку. В пакете у меня были две коробки «Останкинских», которые, как я подозревала, начинали подтаивать. Самое подозрительное и странное было то, что дети мне не звонили, и я молилась: только бы не потому, что соседи вызвали полицию из-за жутких воплей.

Когда мы оформили все документы и прошли ещё раз медицинские процедуры, подопечную положили на каталку, пришла санитарочка, взяла узелок Зинаиды Петровны, а она всё никак не хотела разжать мою руку.

– Хмуришься, как дети твои? Не тревожься, девочка, Бог позаботится о них. Спасибо, что была со мной, боязливой старухой. Очень страшно, когда одна, милая. Очень страшно.

– Боюсь, что не к добру это затишье, – подумала я, но вслух с улыбкой сказала другое – первое, что пришло в голову. – И не волнуюсь даже: дома они, сидят рисуют, конфеты едят, «Цитрон» и «Ласточку». Я вам такие тоже принесу в больницу, ладно?

– С белой начинкой – самые вкусные, – улыбнулась бабушка, и её увезли. Долго я смотрела вслед, пока не стихло дребезжание каталки. Хотелось, чтобы она видела или хотя

бы чувствовала, что её провожают и очень ждут обратно. Пусть даже и соцработник, а не сын на солидной красной машине.

Домой добралась очень поздно: автобус, потом метро. Снимая обувь, с тревогой прислушалась. Тихо. Уже взявшись за ручку двери, прошиб холодный пот: пельмени... «Останкинские» остались на холодном замызганном полу приёмного больничного отделения. Поставила пакет, когда бабулю провожала, и забыла.

В квартиру зашла виновато, как кутила, проигравший состояние. Сил снова идти в магазин не было. Да и время было очень позднее.

Дети смотрели мультфильм. На столе лежали крупные спелые фрукты, орехи, торт и бутерброды с колбасой. Судя по виду и запаху, «Брауншвейгской», не меньше.

– Я забыла пельмени в больнице и ничего не принесла...

– Ты их туда лечить носила? – спросил четырёхлетний Федор.

– Приходила соседка, мы забыли, как её зовут, она сказала, что к ней племянник приехал и много навёз вкусностей, она сама не съест, вот и решила угостить. И хлеб даже принесла – ей белый нельзя. Ешь! – Василиса гордо обвела рукой неожиданную скатерть-самобранку.

Августовские ночи бывают очень звёздными, но с нашего первого этажа не видно неба, только прохожих и немного детскую площадку. Было тихо и радостно. Никто не дрался. Казалось, крупные летние звёзды сами спустились и щедро рассыпались по столу, превратившись в угощения. *«Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесёт вас в своё время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печётся о вас»* (1 Пет. 5:6-7).

Ирина Худякова
<https://pravoslavie.ru/144652.html>

Самый главный, самый первый и самый последний вопрос

Игумен Нектарий (Морозов)

Есть ли кто-то, кто, пожив на земле хоть немного, не знает, что это значит – оказаться в тупике? Кого ситуация, люди, состояние здоровья или происходящие в мире и стране процессы, а самое главное – собственные ошибки ни разу в тупик не заводили? Может быть, и есть, конечно, но только большинство из нас в подобных обстоятельствах оказывалось, уверен, не однажды. И, из опыта исходя, могу сказать, что всегда это становится для человека испытанием. Что делать? Поступиша так, и это приведёт вот к таким-то негативным последствиям; поступиша этак, и опять лишь усугубиша свои проблемы, а возможно, и чьи-то ещё. А вот таким образом действовать следовало бы, но ресурсов для этого – ноль. И не делать ничего нельзя, поскольку время не терпит. И что делать, непонятно. И нервная система на пределе, и совесть не молчит, мучает. Вот это всё, собственно, и называется – тупик. Вперёд некуда, со всех сторон зажат, и назад – тоже никак.

Как быть? Ждать, пока подоспеет команда МЧС и вытащит тебя из этой западни? Нет, команда МЧС не поможет. Просто сложить руки и прекратить борьбу? Молиться? Но ведь ты, наверняка, и молился, но кажется, что небо затворилось и Господь не слышит тебя. И это воспринимается как самая мучительная боль, как самая главная беда.

Однако нет, не главная. Главная – в том, что это ты не слышишь Его. Слышал бы – в тупике бы не оказался. Слышащий Его ходит во свете и не заблуждается. Теряемся, пропадаем, в тупик упираемся мы лишь тогда, когда слушать – перестаём. И потому рискну поделиться этим единственным, на мой взгляд, способом выхода из положения безвыходного – единственным, спасительным, многократно проверенным.

Оказавшись в тупике, пробившись изрядное время, исстрадавшись и отчаявшись в силах своих, остановись, упразднишь от всего и задайся одним лишь единственным вопросом: а чего от

тебя хочет Господь? Не чего ХОЧЕШЬ ты, не что тебе НАДО, не как тебе будет УДОБНО, не чего от тебя ЖДУТ другие, а именно так: чего от тебя ХОЧЕТ ГОСПОДЬ? И ещё лучше – спроси у Него: «Господи, что угодно Тебе? Дай мне разумение и силы понять и исполнить это. А остальное – неважно!»

Если от сердца и искренне спросить, если будет готовность исполнить, то ответ обязательно придёт. Он откроется через людей, или через сами обстоятельства, или как очень ясная, дающая внутреннюю определённость и указующая путь мысль. Как бы там ни было – ты обязательно поймёшь, что это именно ответ. И всё встанет на свои места, и не будет больше этого ощущения, что ещё немного и задохнёшься, и вместо темноты ты увидишь неожиданно свет.

Почему это так? Как действует этот «механизм», почему он универсален и никогда не даёт сбоя? Потому ли, что на самом деле до крайности мало тех, для кого важно знать, какова о них воля Божия, и кто готов её принять и исполнить, и Господь не оставляет таковых? И поэтому тоже. Но в первую очередь – потому, что ради того Бог и попускает нам оказаться в тупике, чтобы мы хотя бы таким образом отказались, отошли от этой безумной и гибельной мысли – строить свою жизнь по собственной воле, забывая о Нём, пренебрегая тем, что нет ни одного верного и незыблемого фундамента во всем бытии нашем, кроме Него одного.

Вся библейская история наполнена примерами, подтверждающими эту истину и это правило. Пророк Иона, несогласный с повелением Божиим идти в Ниневию и проповедовать живущим там людям покаяние, бежит, как говорится в Писании, «от лица Господня в Фарсис» (ср.: Ион. 1:3) и терпит за скорбью скорбь, вплоть до того, что оказывается во чреве кита. И только там приходит к нему осознание безумности

намерения его и рождается вместе с покаянием готовность исполнить то, что поручил ему его Творец и Создатель. И чудесным, немыслимым совершенно образом освобождается он тотчас из страшного заточения своего: *«и сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу»* (Ион. 2: 11).

Какова конструкция тупика, из чего складывается, составляется он, что у него за «комплектующие»? Мы слишком многое считаем безусловно, безоговорочно важным, основываясь опять же – на желаниях, взглядах, убеждениях своих и окружающих нас людей. И когда это важное оказывается невозможным, когда мы не можем примирить свои нужды и представления с реальностью, когда она препятствует нашему движению вперёд, то именно это мы и воспринимаем как безвыходность, именно это и создаёт ощущение отчаянности сложившегося положения.

Вот ошибка. Важно может быть многое, но ВАЖНО БЕЗУСЛОВНО лишь одно, сотни раз прочитанное, услышанное, повторенное и накрепко, кажется, забытое: *«Ищите же прежде Царствия Божия и правды его...»* (Мф. 6: 33). И это ведь не заповедь только, не беспрекословный приказ, не строгое повеление. Это указание – каким путём идти, чтобы с дороги не сбиться. Это способ выстроить свою жизнь так, чтобы никто не смог её разрушить. Это напоминание о том предназначении, реализации которого не может помешать ровным счётом ничто, кроме решения самого человека.

Всё можно у нас отнять – средства, здоровье, положение, место в обществе, работу, близких людей, физическую свободу, – но нельзя отобрать самого главного: возможности служить Богу. Она остаётся всегда, при любых внешних условиях, и при полном благоприятствовании, и под самым жёстким прессом.

Служение это столь многогранно и столь всеобъемлюще, что нет обстоятельств, которые не дали бы состояться ему так или иначе: ибо ищет Отец наш Небесный поклонников, поклоняющихся Ему в духе и истине (см.: Ин. 4: 23), а для духа и истины нет препятствий и преград. Даже тогда, когда лишён ты не только свободы перемещаться, но и самой возможности с одра болезни подняться, сохраняется возможность служить Христу – терпя испытание и благодаря Его. Гласно, если можешь говорить, и в сердце, если язык отнялся. В духе и истине...

Мне всегда искренне жаль людей, которые ставят перед собой какие-то определённые земные цели и лишь в достижении их видят своё счастье и шире – смысл самой жизни своей. И чем значительнее амбиции и грандиознее цели, тем, повторюсь, больше мне их жалко – если в целях и амбициях всё для них.

Слишком многое может превратиться тогда в непреодолимое препятствие, столько на их пути камней, о которые вдребезги разбиваются надежды и чаяния на великие свершения и выдающиеся результаты! Как потом справиться с разочарованием, если кроме надежд и чаяний этих – ничего, если именно они – самое важное и самое дорогое?

Да, поистине, сами мы создаём свои тупики. Сами отрезаем пути к выходу из них. Но какая же это милость Божия, что и после того, как уже отрезаны они и мосты, кажется, сожжены, прокладывает Господь новый путь – к Нему ведущий – и строит новый мост – с Ним соединяющий. И у нас в любом случае, несмотря ни на что, есть шанс этой удивительной возможностью воспользоваться. Всё потеряв, всего лишившись – не в первый, в очередной, быть может, или даже в последний раз, задать, вместо всех прочих вопросов, тот единственный, самый необходимый: *«Господи, чего Ты ждёшь от меня? Что мне делать, чтобы угодить Тебе?»*,

Вопрос, с которого надо было бы всё начинать. И который, вместе с тем, задать никогда не поздно.

<https://pravoslavie.ru/131952.html>

Отданное возвратится

Игумен Нектарий (Морозов)

Когда человеку плохо и тяжело, он, как правило, все воспринимает обострённо. И обострённее всего чувствует – чего бы он хотел от других людей, какой помощи, какой заботы. Помощь и забота даются не всегда. Но это и не страшно. Есть Господь и Его помощь и забота, которые могут проявляться многообразно и далеко не во всех случаях явно. Кроме того, это время – лучшее, чтобы понять... иных людей – их ожидания, чаяния в схожих ситуациях. И если именно так его использовать, то можно стать очень чутким к боли и скорби другого, сердечным, тёплым. А когда делаешься таким, то – вот удивительная вещь! – уже не так нуждаешься в том, чтобы кто-то был столь же чуток и сердечен по отношению к тебе.

Это вообще удивительный духовный закон: начинаешь отдавать то, что так нужно тебе самому, и тотчас получаешь это же вдвойне и втройне. Я не о материальных предметах говорю, конечно, а о том, что больше к области душевной и духовной относится. Хотя и с материальным так бывает: делишься последним, сам без гроша остаёшься, а Господь тотчас посыпает то, чего и ожидать ты не мог, буквально из нищего богачом делает. Особенно же, если предвидит, что ты и снова обнищать ради ближнего не откажешься.

Сколько людей, которые мучаются оттого, что их «никто не любит»! А ты начни любить сам. Или, если нет в тебе любви или чего-то,

хотя бы отдалённо её напоминающего, делай дела любви. И ты увидишь, что тебя полюбят. Знаешь, почему? Потому что будет, наконец, за что.

Воистину мало кто по-настоящему смог познать эту удивительную истину: «*Блаженнее давать, нежели принимать*» (Деян. 20, 35). Если бы познали, то только бы и давали, не ожидая ничего взамен и получая, однако, неизмеримо больше. И это на самом деле именно так – не слова это красивые, а самая реальная, опытом удостоверяемая правда.

В чём основа этого закона, в чём секрет его таинственного действования, в чём тайна? В том, что даём мы людям, а возвращает нам Господь. Иногда сразу и так, что не заметить – захочешь, да не сможешь. Иногда – после и прикровенно. Ведь Он Сам говорит: «*Так как вы сделали это одному из братьев Моих сих меньших, то сделали Мне*» (Мф. 25, 40). Люди могут быть неблагодарны и чаще всего оказываются такими, но не Господь. Если же чего-то сейчас и не вернёт Он тебе, то вернёт потом – сторицей, не скорби понапрасну. Когда потом? Тогда, когда нуждаться в этом будешь более всего, когда всё, что здесь, пройдёт, словно сон.

Дорогие прихожане!

Редакция нашего журнала благодарит вас за щедрые пожертвования, которые появились в нашем ящике после его восстановления. Как вы все знаете, несколько недель назад произошло незаконное проникновение в наш храм, при этом был взломан ящик журнала и украдена сумма, скопившаяся от продажи предыдущего номера.

Ваша отзывчивость нас тронула!
Спасибо за поддержку!

Архиерейское послание клиру и пастве Восточно-Американской и Австралийско-Новозеландской епархий в связи с наступающим Великим постом и событиями на священной земле Украинской

Дорогие о Господе братья и сестры!

В преддверии Великого поста, этого спасительного времени глубокой молитвы и работы над собой, и в связи с событиями в стране Украинской, обращаюсь ко всем с сердечной просьбой – воздерживаясь от чрезмерного просмотра телевидения, газет и интернета, закрывая двери своих сердец для страстей разжигаемых средствами массовой информации, усугубим горячие молитвы о мире во всём мире, о преодолении вражды и разногласий, о помоши страждущим, о упокоении отошедших в вечность и утешении оставшихся родных и близких, о том, чтобы мы все, прежде всего, оставались людьми и православными христианами в эти сложные времена.

Приближающийся Великий пост – это путешествие к Пасхе Христовой. Это путь от состояния праздности, нетерпеливости, суеты и постоянной тревоги к миру душевному, целостности, смирению и любви. Эти святые переживания возникают в нас не просто так, а от прикосновения к совсем иному миру в храме – миру света, радости, надежды и незлобия. Без участия в великопостных богослужениях, создающих особую атмосферу в наших домах и в нашей жизни, достичь такого состояния очень сложно, можно даже сказать почти невозможно. Стремясь к Богу, насаждая мир в своём сердце и участвуя в таинственной жизни Христовой Церкви, где совершается наша личная встреча с Богом, мы сокращаем зло в этом мире, воодушевляем других на труды и подвиги евангельские, способствуем миру и братским взаимоотношениям, и не поддаёмся соблазнам всякого рода разногласий и разделений.

Поэтому, хочу пожелать всем воспользоваться всеми возможностями, предлагаемыми Церковью, для хранения мира и добра в сердце, для спасительного прохождения этого благодатного времени, чтобы всем нам вместе встретить и провести светозарную ночь Пасхи в единстве духа и братолюбии, в обновлении всех сил и радости духовной о Христе Воскресшем и победе добра над злом! Аминь.

Испрашивая святых молитв, остаюсь с любовью о Господе,

+ ИЛАРИОН,
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский,
Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви

Стояние 12-ти Евангелий. По местам страданий Господа

В преддверии Великого Поста поговорим о глубине, смыслах богослужений и Евангельских чтений дней Страстной седмицы

Протоиерей Сергий Правдолюбов

В день Великого Четверга и воспоминания Тайной Вечери вечером совершается одна из самых удивительных служб, которые вообще существуют в Православной Церкви. Если бы какое-то наказание можно было бы придумать: «Вот за то, что ты так себя вёл – в Великий Четверг вечером не пойдёшь на службу», – это было бы самое страшное наказание.

Эта служба называется Стояние 12-ти Евангелий. Служба имеет необыкновенную древность.

Ещё в IV веке одна путешественница, учёные спорят о её имени, в Иерусалиме наблюдала эту же службу, которая сохранилась до наших дней без всяких изменений и искажений.

Только мы не ходим по местам страданий Господа, а те христиане ходили: они приходили к дому Тайной Вечери, к Сионской горнице – там читалось Евангелие, и потом они шли к потоку Кедронскому и в Гефсиманию – там читалось второе Евангелие... И это всё сохранилось на протяжении веков.

Я уже говорил, что даже в западной, европейской культуре эта служба так же сохранилась, и мы знаем интересные, прекрасные, замечательные – как их можно назвать? Они так и называются: «Страсти по Матфею», «Страсти по Иоанну», которые написал Иоганн Себастьян Бах. На эту службу писали музыку и другие композиторы, и вся её структура сохранилась даже и в западном – не только в католическом, но и в протестантском богослужении.

Служба построена очень просто: читаются все Евангелия, которые рассказывают о страданиях Господа. Сначала – о Тайной Вечери, потом – беседа с учениками, а потом уже – о страданиях Господа. Принцип совсем простой, понятный.

А между евангельскими чтениями выступают людие же, то есть хор, традиционная роль которого имеет свою богатую историю в древнегреческой культуре. Не будем дальше проводить аналогии.

Хор – это те люди, которые переживают сказанное, обращаются к нам, подсказывают нам – о чём думать, как молиться, что переживать. Это происходит в так называемых антифонах, когда по Уставу полагается петь одно песнопение сначала хором с правой стороны, а потом это же песнопение повторяет хор с левой стороны.

И снова: хор начинает строфу с правой стороны, а потом хор слева повторяет то же песнопение. Между чтением первых пяти Евангелий стихословится по три антифона. По «Слава и ныне» – строфа, посвящённая Богородице. Всего антифонов 15 (пять раз по три антифона).

Эта служба не является торжественным бдением, паникадило в центре храма не зажигается. Это утреня, и утреня очень суровая: утреня без всяких украшений. Это утреня, которая у нас сейчас служится с шести часов вечера, но в древности, конечно, она служилась именно в темноте, перед утром, и поэтому те переживания, которые мы здесь, в нашем храме, испытываем, мы могли бы, конечно, переживать и так, как было это в древности.

Почему я так оговариваюсь? Потому что теперь с Воскресенья в Москве один час прибавили, и теперь всё время солнца слишком много, а всё-таки 12 Евангелий должны читаться, как и было в древности, в тёмном храме, в темноте.

Одна из деталей: в храме зажжены только лампады, но не все лампады – не полиелей. В храме почти темно. В 60-е годы, когда я учился

в школе, я имел счастье молиться и участвовать в службе в храме деревянном, рубленом, в котором не было электричества, и я увидел, как это было в древней Руси.

Храм тёмный, ничего не видно, и вдруг диакон (если он есть) или священник: «И о сподобитися нам, слышанию Святаго Евангелия, Господа Бога молим!» – и в это время все люди зажигают свечечки.

Те, которые рядом с батюшкой стоят, они норовят у батюшки зажечь. Те, которые подальше, они тоже хотят у него зажечь. Или от Креста... Посреди храма Крест стоит, Распятие. И по всему храму вдруг зажигаются-зажигаются-зажигаются огоньки – их так много!

Весь храм начинает сиять светом множества свечей. И весь храм освещается, окна все горят: издалека смотришь – окна пылают. Почему? Слово Божие звучит. Слово Божие, Господь говорит.

И кончается чтение Евангелия, и все задувают свои свечи, и храм снова в полном мраке. В полной темноте. И тут справа и слева, и на двух клиросах, и псаломщики, они рассказывают и поясняют, делятся и обдумывают: о чём же было сказано в Евангелии, как поступили ученики, а как беззаконный Иуда «не восхоте разумети?»

И потом снова: «И о сподобитися нам...» – и снова весь храм зажигается огнями. И я бы особо обратил на это внимание: какой почти потерянный нами эффект! У нас кругом –

электричество-электричество-электричество, а там была естественная свеча. Когда она горит – всё сияет, потом, когда её гасят – всё темно.

И я всегда-всегда, уже много лет вспоминаю Господин Великий Новгород, не могу об этом не упомянуть. Этот город – удивительный русский город с удивительно русским Кремлём, а не итальянским. Из этого Кремля видны поля, на которых летом стога сена стоят, жаворонки кричат. Это город, который органично связан с природой.

А ещё город этот – город Православия и веры. И этот город так любили древние новгородцы, что они наподобие своих мастеров, которые украшали речным жемчугом своих дочек, они украсили и город свой такой интересной особенностью, именно Великого Новгорода.

Если подняться на башню (там колокола-то не высоко стояли), которая сторожевая, она видна и сейчас посреди Кремля, и посмотреть в южную сторону, то вы увидите даже сейчас, что весь горизонт Великого Новгорода украшен храмами, которые, как ожерелье, опоясывают город.

С правой стороны – Юрьев монастырь, потом Спас Нередица – древний храм XII века. Дальше смотришь – Спас на Ковалёвом поле. Дальше – храм Успения на Волотовом поле. Последним цепь замыкает Варлаамо-Хутынский монастырь.

И вот представьте себе: в каждом храме идёт служба 12 Евангелий. Начинается служба, в принципе, почти в одно и то же время (плюс-минус совсем немного), и вот в одно мгновение в темноте вдруг зажигаются окна во всех храмах – и это ожерелье горит и светится, слово Божие звучит, читается Евангелие, сияет всё. Потом вдруг – раз! – все свечки погасили, и опять тёмный горизонт. Какое участие в жизни людей!

А ведь кроме света ещё и звук участвует – колокольный звон. Потому что, как только начинается Евангельское чтение, то в колокол ударяется столько раз, каким по счёту идёт следующее Евангелие. А люди в храме стоят, в руке держат свечку и снизу делают зарубку: сколько Евангелий прочитали, а сколько осталось. Особенно дети любят так делать.

Чтобы не отвлекаться от внешнего, детского восприятия, вспомним ещё одну интересную традицию: принято последний раз, после чтения 12-го Евангелия, свечу не гасить, а нести её домой, и от неё зажечь лампаду, и чтобы эта лампада горела круглый год. В древности не было возможности на самолёте привозить Благодатный огонь, а у русских православных был этот огонь стояния у Креста, огонь стояния и соучастия в жизни Спасителя, в этом великом богослужении.

И ещё – из детских, внешних впечатлений после службы стояния 12-ти Евангелий. Идёшь из храма домой, бурный весенний ручей уже иссяк, слышатся лишь лёгкие звуковые ступени – разговор воды весенней, тончайшим образом, без рёва и шума, а именно предпасхально, и с участием в страданиях Господа...

Наш храм не стоял на высоком холме, и деревни, которые окружали наше село, были довольно далеко расположены, и всё-таки, помню, нам, детям, всегда хотелось увидеть (и мы видели, много раз видели), как люди несут Четверговый огонь.

Ветра нет, люди несут свои свечки, тропинки освещаются, словно горящие змейки: это пошли в Баженово, это пошли в Самылово, а это – в Булгаково. Одно из самых сильных впечатлений от этой прекрасной службы.

Но вернёмся к службе, к её содержанию. Если мы бросим взгляд на всю мировую литературу, выстроим её в пирамиду – кто лучше написал, кто выше написал, то пирамида завершится, естественно, Священным Писанием Ветхого и Нового Завета. А внутри пирамиды Священного Писания на вершину попадёт Евангелие от Иоанна. А самая вершина всех вершин – это Первосвященническая беседа Господа Иисуса Христа с учениками Своими. И на самой-самой вершине – молитва Господа Иисуса Христа Отцу Своему. Тут раскрывается уже внутрибожественная жизнь, когда Сын Божий молится Своему Отцу. Ничего выше этого нет.

Какие бы ни были большие трудности в жизни, если плохо, тоскливо и жить не хочется, открывайте 14-15-16-ю главы Евангелия от Иоанна и читайте. Всё пройдёт. Это чудодейственно, это я на себе испытал много раз за всю свою жизнь.

Итак, посреди храма стоит Распятие, читается шестопсалмие, поётся: «Егда славнии ученицы / на умовении Вечери просвещахуся». Совершается полное каждение всего храма. Приходит батюшка, встаёт перед Распятием, и, если есть протодиакон, то протодиакон, если нет, то просто диакон говорит: «И о сподобитися нам слышанию Святаго Евангелия, Господа Бога молим!»

Особенным торжественным напевом хор поёт: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» «Премудрость прости, услышим Святаго Евангелия: Мир всем!» – и начинается вот это Евангелие, которое, обращаю ваше внимание, читается так только лишь единственный раз в году. Фрагменты из

нега читаются – одна тема, другая тема, но чтобы во всей целокупности – это никогда не повторяется.

И вот здесь нужно ни в коем случае не зазеваться, ни в коем случае не пустить в голову мысли другие, отбросить всё своё житейское помышление: встань и слушай, как Господь говорит со Своими учениками. Господь говорит с учениками – каким заботливым голосом, с какой любовью предупреждает о том, что может быть и как может быть.

И говорит он такие слова редкие: «Чадца Мои», – то есть «детки Мои», а некоторые из них гораздо старше по возрасту земному, чем Господь Иисус Христос.

«Детки Мои, чадца Мои!» – и вот эта откровенность поразительная, Господь ничего не скрыл от Своих учеников, Он им всё открыл, всё сказал. Иуда-предатель вышел, ушёл, и Господь говорит: «Чадца Мои». Так важно. Ни в коем случае этого не пропустить.

Мы слушаем-слушаем-слушаем Его слова, и тут Господь говорит: «Встаньте, пойдём отсюда». Откуда? Из той самой Горницы Сионской, той, где Тайную Вечерю Он только что совершил. И они выходят на улицу. В Иерусалиме одна улица, крайняя, другой второй нет даже в наше время. С левой стороны – городская стена, с правой – открытая сторона. И по этой улице Господь с учениками стал спускаться вниз, к потоку Кедронскому.

Опытные люди, которые жили и живут в Иерусалиме, рассказывают, что Господь не давал ученикам какое-то теоретическое рассуждение, Господь не богословствовал, а говорил просто и органично. Они идут, а дело было весеннее...

А весной, вы знаете, кто проводит больше всего времени на земле? Надо всё устроить, успеть до Пасхи, успеть до жары – подрезать ветки в винограднике, почистить их, отломить, отрезать сухие, сжечь ненужное.

И вот именно в этот характерный период работы в винограднике, когда убирались и сжигались засохшие ветки, Господь идёт с учениками, видит – с земли дымок поднимается от виноградника, Он и говорит: «Я есмь лоза,

а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.».

Мы зрительно это видим, мы это ощущаем, идём с Господом. И ученики идут, слушают, Он с ними разговаривает, говорит-говорит-говорит. А потом так речь заканчивается: «Сия глагола Иисус, и возведе очи Свои на небо и рече: «Отче, прииде час: прослави Сына Твоего». И вот тут – Первосвященническая молитва, выше которой нет ничего. И она открыта всем нам – умным и неумным, учёным и неученым: читай, слушай, удивляйся, вдохновляйся.

С окончанием молитвы заканчивается это поразительное Евангелие, и поётся антифон: «Князи людстии собрашася на Господа и на Христа Его».

«Лазарева ради востания, Господи,/ осанна Тебе зваху дети еврейския, Человеколюбче;/ беззаконный же Иуда/ не восхоте разумети».

Внимательные услышат здесь вот такой рефрен, который повторяется и в другом антифоне, в третьем антифоне: «Беззаконный же Иуда/ не восхоте разумети». Это не от того, что ещё и ещё хотят его поругать, а для того, чтобы нам понять, чтобы нам осознать, что произошло. Ведь никто не гарантирован от внезапного и самого что ни на есть простого предательства твоего ближнего, человека.

Апостол Пётр как отрекся? Да он почти не задумался: «Не знаю я этого Человека». Он не хотел делать что-то такое грандиозное, а просто: «Не знаю этого Человека». А разве мы не можем так же легко-легко отказаться от ближнего нашего, который является младшим братом Господа Иисуса Христа или его младшей сестрой?

... Читаются Евангелия, каждый евангелист по-своему раскрывает события, мы слушаем, думаем, переживаем и радуемся.

Увидеть Христа в том, на кого и смотреть не хочешь

Почему делать добрые дела легко, а любить – трудно. Можно быть благочестивым, не нарушать заповедей, поститься, молиться, не сотворить себе кумира, всё делать правильно – и не пойти за Христом

Протоиерей Алексий Уминский

Есть огромные иконы Страшного Суда, обычно XVII–XVIII веков, на которых красочно изображены устрашающие события Второго Пришествия Господня, мир, разделённый на две части: праведники, которые сияют, как солнце, и грешники, которые падают в пропасть адову и по разрядам идут в муку вечную – воры, блудницы, убийцы, прелюбодеи и так далее.

Казалось бы, люди, исполняющие заповеди, живущие по закону Божиему, соблюдающие правила христианской благочестивой жизни, – это и есть те праведники, которые поступают правильно. Но евангельское чтение о Страшном Суде нам об этом ничего не говорит.

В Евангелии представлен совсем другой образ Страшного Суда. Обращаясь к людям, к Своим верным христианам, к тем, кто носит Его имя, Господь не спрашивает ни у кого об исполнении тех десяти заповедей, которые стоят во главе угла для каждого верующего человека.

Неужели заповеди не нужны, неужели это неважно? Нет, это важно, без этого нет благочестия, нет правильного пути к Богу.

Но вот что страшно на этом Суде: заповеди не исчерпывают пути к Богу. Десять заповедей, существующие ещё со времён Ветхого Завета, сами по себе не приводят человека ко спасению.

Можно быть благочестивым, подобно евангельскому юноше, всё исполнить от юности своей, почитать отца и мать, не

прелюбодействовать, не убивать, не воровать, не лжесвидетельствовать, почитать дни субботние и воскресные, поститься, молиться, не сотворить себе кумира, всё делать правильно и не пойти за Христом, и остаться без Него!

Посмотрим на иконостас православного храма: вот он, перед нами, Страшный Суд – Господь, сидящий на Престоле, ангелы и архангелы рядом с Ним; святые, умоляющие о милости к нам. Всякий раз, когда мы подходим к алтарю, сложив руки на груди, открывая уста для того, чтобы принять Святое Тело Христово, разве для нас не настает Суд, о котором написано в Евангелии?

Посмотрим друг на друга внимательно: кого мы видим? Можем ли мы сказать, что по-настоящему друг друга любим, что смотрим друг на друга с той радостью любви, с которой смотрит на нас Христос? Мы по-настоящему, не номинально, не как обычно называет нас священник в храме, а по-настоящему – братья и сестры?

Речь идёт о том, чтобы увидеть Христа в преступнике, в бездомном, вонючем, никому не нужном человеке. В том, кто тебе не нравится, кто тебе не друг, кто тебе не близок!

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Господь перечисляет тех, кого мы не часто

видим рядом с собой, потому что о близких мы обычно заботимся – они не голодают, не бывают бездомными и раздетыми, не сидят в тюрьмах, за редким исключением.

Речь о чужих людях, до которых нам, в общем, дела быть не должно. И мы в своём благочестии от этих людей стараемся держаться подальше, потому что рядом с ними очень неприятно, от их жизни становится страшно. И сколько сил приходится употребить, чтобы хоть иногда, хоть немножечко преодолеть эту отчуждённость.

Мы собираем деньги для бездомных, для заключённых, для больных, исполняя, как нам кажется, эту заповедь. Отнюдь нет, чаще всего мы таким простым способом снимаем с себя ответственность за этих людей, откупаемся от них.

Они остаются для нас чужими и далёкими. Если вдруг случайно в жизни встретится такой человек, мы с ужасом отведём от него взгляд, потому что не приучаем себя смотреть на людей как на родных, на своих, преодолевать свою отчуждённость, не откупаться добрыми делами, а по-настоящему любить, открывать своё сердце, выдавливать из себя рознь человеческую, разделяющую нас.

Никакое благочестие, десять заповедей и пост не сделают нас ближе к Богу, если мы остаёмся друг другу чужими, с закрытым сердцем и пытаемся какими-то внешними вещами создать впечатление о нашей христианской жизни.

Притча о Страшном Суде говорит о том, что сердце наше должно наконец расколоться, дать трещину, слабину, чтобы мы почувствовали немощь своей любви, не оправдывали себя добрыми делами, которые делать не трудно, а любить очень трудно.

Трудно посмотреть в глаза тому человеку в храме, с кем расстроены отношения, на кого смотреть не хочется, с кем вроде и вражды нет, но и любви нет никакой.

Христос призывает нас к гораздо большему. Не к простым человеческим отношениям,

Иван Крамской,
Христос в пустыне, 1872
Холст, масло. 180 × 210 см
Государственная Третьяковская галерея,
Москва

которые мы выстроить не можем, постоянно чем-то себя оправдывая, а к высочайшим примерам, когда праведники во всех людях видят Самого Христа, то есть по-настоящему радуются людям, готовы быть рядом с ними, служить им, не воротя нос от их запаха, пребывать с ними в любви.

Вот какой Страшный Суд нам предстоит вынести – с нашими-то сердцами, с нашим самолюбием и нежеланием смотреть друг на друга с любовью.

Давайте это евангельское слово пропустим через душу и сердце, начнём что-то делать с собой, чтобы примириться друг с другом перед Великим постом по-настоящему глубоко, а не на словах, и искать, искать в каждом человеке отражение Божественного Лица.

www.pravmir.ru

Памятка миролюбивым людям

1. Любая война закончится.
2. Каждый народ состоит из разных людей, имеющих разные жизненные позиции, оскорблять не стоит никого, а тем более всех подряд.
3. Политики договарятся, а ты останешься с той грязью, которой ты обливал «своих идеологических противников».
4. Во время войны врут многие. Не распространяй информацию, в истинности которой не уверен. Если хочешь что-то сказать – говори, но только о том, что видел своими глазами. Это честно. Остальное – пересказ возможной лжи.
5. Ненависть к незнакомым тебе людям – это патология.
6. Взаимоотношения между людьми весьма сложны даже на уровне семьи и трудового коллектива. Межгосударственные отношения ещё сложнее. Только дуракам всё понятно и просто. Не торопись делать выводы – не будь дураком.
7. Всегда оставайся Человеком и помни пункт номер 1.

Damien Elberg

Peter Elberg

Peter Elberg
FUNERALS

**The death of someone close, whether
expected or sudden, is always a
stressful experience for family and friends.**

**Important decisions and detailed arrangements need to
be made with the caring assistance of someone whom
you can really trust.**

**Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding**

***Proudly South Australian
Owned & Operated***

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

AUSTRALIAN
FUNERAL
DIRECTORS
ASSOCIATION